

Всероссийская олимпиада школьников
Карачаево-Черкесская республика
Муниципальный этап
2017-2018 учебный год
7 класс
Литература

Комплексный анализ художественного текста

Прочитайте рассказ И.С.Тургенева «Бирюк». Оформите свои впечатления от прочитанного произведения, например, на тему: «Мое отношение к главному герою рассказа «Бирюк».

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

При работе можете опираться на предложенные ниже вопросы

Вопросы –подсказки:

- Каково настоящее имя Бирюка?
- Что обозначает прозвище – Бирюк?
- Почему лесника предпочитают звать не по имени, а по прозвищу?
- Откуда его прозвище известно барину – Тургеневу?
- Что во внешности Бирюка нравится Тургеневу?
- Как объясняет Бирюк Тургеневу свое отношение к работе?
- Как относились мужики к Бирюку.
- Почему Бирюк отпустил, провинившихся мужиков?
- Виновен ли он сам?

- Чем обусловлен суровый характер лесника?
- Почему мужикам-крестьянам приходится воровать в лесу?
- Почему мужики ненавидят Бирюка?
- Как называет Бирюка пойманный им мужик-вор?
- Какие чувства испытывает Тургенев, видя, как живет Бирюк?
- Счастлив ли Бирюк?
- Как вы думаете, а Тургенев смог раскрыть тайну Бирюка?
- Как оценивает поступок Бирюка по отношению к вору Тургенев?

И.С.Тургенев

БИРЮК

Я ехал с охоты вечером один, на беговых дрожках. До дому еще было верст восемь; моя добрая рысистая кобыла бодро бежала по пыльной дороге, изредка похрапывая и шевеля ушами; усталая собака, словно привязанная, ни на шаг не отставала от задних колес. Гроза надвигалась. Впереди огромная лиловая туча медленно поднималась из-за леса; надо мною и мне навстречу неслись длинные серые облака; ракиты тревожно шевелились и лепетали. Душный жар внезапно сменился влажным холодом; тени быстро густели. Я ударил вожжой по лошади, спустился в овраг, перебрался через сухой ручей, весь заросший лозинками, поднялся в гору и въехал в лес. Дорога вилась

передо мною между густыми кустами орешника, уже залитыми мраком; я подвигался вперед с трудом. Дрожки прыгали по твердым корням столетних дубов и лип, беспрестанно пересекавшим глубокие продольные рытвины — следы тележных колес; лошадь моя начала спотыкаться. Сильный ветер внезапно загудел в вышине, деревья забушевали, крупные капли дождя резко застучали, зашлепали по листьям, сверкнула молния, и гроза разразилась. Дождь полил ручьями. Я поехал шагом и скоро принужден был остановиться: лошадь моя вязла, я не видел ни зги. Кое-как приютился я к широкому кусту. Сгорбившись и закутавши лицо, ожидал я терпеливо конца ненастья, как вдруг, при блеске молнии, на дороге почудилась мне высокая фигура. Я стал пристально глядеть в ту сторону — та же фигура словно выросла из земли подле моих дрожек. — Кто это? — спросил звучный голос. — А ты кто сам? — Я здешний лесник. Я назвал себя. — А, знаю! Вы домой едете? — Домой. Да видишь, какая гроза... — Да, гроза, — отвечал голос. Белая молния озарила лесника с головы до ног; трескучий и короткий удар грома раздался тотчас вслед за нею. Дождик хлынул с удвоенной силой. — Не скоро пройдет, — продолжал лесник. — Что делать! — Я вас, пожалуй, в свою избу проведу, — отрывисто проговорил он. — Сделай одолжение. — Извольте сидеть. Он подошел к голове лошади, взял ее за узду и сдернул с места. Мы тронулись. Я держался за подушку дрожек, которые колыхались, «как в море челнок», и кликал собаку. Бедная моя кобыла тяжело шлепала ногами по грязи, скользила, спотыкалась; лесник покачивался перед оглоблями направо и налево, словно привиденье. Мы ехали довольно долго; наконец мой проводник остановился. «Вот мы и дома, барин», — промолвил он спокойным голосом. Калитка заскрипела, несколько щенков дружно залаяло. Я поднял голову и при свете молнии увидел небольшую избушку посреди обширного двора, обнесенного плетнем. Из одного окошечка тускло светил огонек. Лесник довел лошадь до крыльца и застучал в дверь. «Сичас, сичас!» — раздался тоненький голосок, послышался топот босых ног, засов заскрипел, и девочка лет двенадцати, в рубашонке, подпоясанная покрывкой, с фонарем в руке, показалась на пороге. — Посвети барину, — сказал он ей, — а я ваши дрожки под навес поставлю. Девочка глянула на меня и пошла в избу. Я отправился вслед за ней. Изба лесника состояла из одной комнаты, закоптелой, низкой и пустой, без полатей и перегородок. Изорванный тулуп висел на стене. На лавке лежало одноствольное ружье, в углу валялась груда тряпок; два больших горшка стояли возле печки. Лучина горела на столе, печально вспыхивая и погасая. На самой середине избы висела люлька, привязанная к концу длинного шеста. Девочка погасила фонарь, присела на крошечную скамейку и начала правой рукой качать люльку, лоном поправлять лучину. Я посмотрел кругом — сердце во мне заныло: не весело войти ночью в мужицкую избу. Ребенок в люльке дышал тяжело и скоро. — Ты разве одна здесь? — спросил я девочку. — Одна, — произнесла она едва внятно. — Ты лесникова дочь? — Лесникова, — прошептала она. Дверь заскрипела, и лесник шагнул, нагнув голову, через порог. Он поднял фонарь с полу, подошел к столу и зажег свечку. — Чай, не привыкли к лучине? — проговорил он и тряхнул кудрями. Я посмотрел на него. Редко мне случалось видеть такого молодца. Он был высокого роста, плечист и сложен на славу. Из-под мокрой замашной рубашки выпукло выставлялись его могучие мышцы. Черпая курчавая борода закрывала до половины его суровое и мужественное лицо; из-под сросшихся широких бровей смело глядели небольшие карие глаза. Он слегка уперся руками в бока и остановился передо мною. Я поблагодарил его и спросил его имя. — Меня зовут Фомой, — отвечал он, — а по прозвищу Бирюк*. — А, ты Бирюк? Я с удвоенным любопытством посмотрел на него. От моего Ермолая и от других я часто слышал рассказы о леснике Бирюке, которого все окрестные мужики боялись как огня. По их словам, не бывало еще на свете такого мастера своего дела: «Вязанки хворосту

не даст утащить; в какую бы ни было пору, хоть в самую полночь, нагрянет, как снег на голову, и ты не думай сопротивляться, — силен, дескать, и ловок как бес... И ничем его взять нельзя: ни вином, ни деньгами; ни на какую приманку не идет. Уж не раз добрые люди его сжить со свету собирались, да нет — не дается». Вот как отзывались соседние мужики о Бирюке. — Так ты Бирюк, — повторил я, — я, брат, слышал про тебя. Говорят, ты никому спуска не даешь. — Должность свою справляю, — отвечал он угрюмо, — даром господский хлеб есть не приходится. Он достал из-за пояса топор, присел на пол и начал колоть лучину. — Аль у тебя хозяйки нет? — спросил я его. — Нет, — отвечал он и сильно махнул топором. — Умерла, знать? — Нет... да... умерла, — прибавил он и отвернулся. Я замолчал; он поднял глаза и посмотрел на меня. — С прохожим мещанином сбежала, — произнес он с жестокой улыбкой. Девочка потупилась; ребенок проснулся и закричал; девочка подошла к люльке. — На, дай ему, — проговорил Бирюк, сунув ей в руку запачканный рожок. — Вот и его бросила, — продолжал он вполголоса, указывая на ребенка. Он подошел к двери, остановился и обернулся. — Вы, чай, барин, — начал он, — нашего хлеба есть не станете, а у меня окромя хлеба... — Я не голоден. — Ну, как знаете. Самовар бы я вам поставил, да чаю у меня нету... Пойду посмотрю, что ваша лошадь. Он вышел и хлопнул дверью. Я в другой раз осмотрелся. Изба показалась мне еще печальнее прежнего. Горький запах остывшего дыма неприятно стеснял мне дыхание. Девочка не трогалась с места и не поднимала глаз; изредка поталкивала она люльку, робко наводила на плечо спускавшуюся рубашку; ее голые ноги висели, не шевелясь. — Как тебя зовут? — спросил я. — Улитой, — проговорила она, еще более понутив свое печальное личико. Лесник вошел и сел на лавку. — Гроза проходит, — заметил он после небольшого молчания, — коли прикажете, я вас из лесу провожу. Я встал. Бирюк взял ружье и осмотрел полку. — Это зачем? — спросил я. — А в лесу шалят... У Кобыльего Верху.^{**} дерево рубят, — прибавил он в ответ на мой вопрошающий взор. — Будто отсюда слышно? — Со двора слышно. Мы вышли вместе. Дождик перестал. В отдалении еще толпились тяжелые громады туч, изредка вспыхивали длинные молнии; но над нашими головами уже виднелось кое-где темно-синее небо, звездочки мерцали сквозь жидкие, быстро летевшие облака. Очерки деревьев, обрызганных дождем и взволнованных ветром, начинали выступать из мрака. Мы стали прислушиваться. Лесник снял шапку и потупился. «Во... вот, — проговорил он вдруг и протянул руку, — вишь какую ночку выбрал». Я ничего не слышал, кроме шума листьев. Бирюк вывел лошадь из-под навеса. «А этак я, пожалуй, — прибавил он вслух, — и прозеваю его». — «Я с тобой пойду... хочешь?» — «Ладно, — отвечал он и попятил лошадь назад, — мы его духом поймаем, а там я вас провожу. Пойдемте». Мы пошли: Бирюк впереди, я за ним. Бог его знает, как он узнавал дорогу, но он останавливался только изредка, и то для того, чтобы прислушиваться к стуку топора. «Вишь, — бормотал он сквозь зубы, — слышите? слышите?» — «Да где?» Бирюк пожимал плечами. Мы спустились в овраг, ветер затих на мгновение — мерные удары ясно достигли до моего слуха. Бирюк глянул на меня и качнул головой. Мы пошли далее по мокрому папоротнику и крапиве. Глухой и продолжительный гул раздался... — Повалил... — пробормотал Бирюк. Между тем небо продолжало расчищаться; в лесу чуть-чуть светлело. Мы выбрались, наконец, из оврага. «Подождите здесь», — шепнул мне лесник, нагнулся и, подняв ружье кверху, исчез между кустами. Я стал прислушиваться с напряжением. Сквозь постоянный шум ветра чудились мне невдалеке слабые звуки: топор осторожно стучал по сучьям, колеса скрипели, лошадь фыркала... «Куда? стой!» — загремел вдруг железный голос Бирюка. Другой голос закричал жалобно, по-заячьи... Началась борьба. «Вре-ешь, вре-ешь, — твердил, задыхаясь, Бирюк, — не уйдешь...» Я бросился в направлении шума и

прибежал, спотыкаясь на каждом шагу, на место битвы. У срубленного дерева, на земле, копошился лесник; он держал под собою вора и закручивал ему кушаком руки на спину. Я подошел. Бирюк поднялся и поставил его на ноги. Я увидел мужика, мокрого, в лохмотьях, с длинной растрепанной бородой. Дрянная лошаденка, до половины закрытая угловатой рогожкой, стояла тут же вместе с тележным ходом. Лесник не говорил ни слова; мужик тоже молчал и только головой потряхивал. — Отпусти его, — шепнул я на ухо Бирюку, — я заплачу за дерево. Бирюк молча взял лошадь за холку левой рукой: правой он держал вора за пояс. «Ну, поворачивайся, ворона!» — промолвил он сурово. «Топорик-то вон возьмите», — пробормотал мужик, «Зачем ему пропадать!» — сказал лесник и поднял топор. Мы отправились. Я шел позади... Дождик начал опять накрапывать и скоро полил ручьями. С трудом добрались мы до избы. Бирюк бросил пойманную лошаденку посреди двора, ввел мужика в комнату, ослабил узел кушака и посадил его в угол. Девочка, которая заснула было возле печки, вскочила и с молчаливым испугом стала глядеть на нас. Я сел на лавку. — Эх его, какой полил, — заметил лесник, — переждать придется. Не хотите ли прилечь? — Спасибо. — Я бы его, для вашей милости, в чуланчик запер, — продолжал он, указывая на мужика, — да вишь, засов... — Оставь его тут, не трогай, — перебил я Бирюка. Мужик глянул на меня исподлобья. Я внутренне дал себе слово, во что бы то ни стало, освободить бедняка. Он сидел неподвижно на лавке. При свете фонаря я мог разглядеть его испитое, морщинистое лицо, нависшие желтые брови, беспокойные глаза, худые члены... Девочка улеглась на полу у самых его ног и опять заснула. Бирюк сидел возле стола, опершись головою на руки. Кузнечик кричал в углу... дождик стучал по крыше и скользил по окнам; мы все молчали. — Фома Кузьмич, — заговорил вдруг мужик голосом глухим и разбитым, — а, Фома Кузьмич. — Чего тебе? — Отпусти. Бирюк не отвечал. — Отпусти... с голодухи... отпусти. — Знаю я вас, — угрюмо возразил лесник, — ваша вся слобода такая — вор на воре. — Отпусти, — твердил мужик, — приказчик... разорены, во как... отпусти! — Разорены!.. Воровать никому не след. — Отпусти, Фома Кузьмич... не погуби. Ваш-то, сам знаешь, заест, во как. Бирюк отвернулся. Мужика подергивало, словно лихорадка его колотила. Он встряхивал головой и дышал неровно. — Отпусти, — повторял он с унылым отчаяньем, — отпусти, ей-богу, отпусти! Я заплачу, во как, ей-богу. Ей-богу, с голодухи... детки пищат, сам знаешь. Круто, во как, приходится. — А ты всё-таки воровать не ходи. — Лошаденку, — продолжал мужик, — лошаденку-то, хоть ее-то... один живот и есть... отпусти! — Говорят, нельзя. Я тоже человек подневольный: с меня взыщут. Вас баловать тоже не приходится. — Отпусти! Нужда, Фома Кузьмич, нужда, как есть того... отпусти! — Знаю я вас! — Да отпусти! — Э, да что с тобой толковать; сиди смирно, а то у меня, знаешь? Не видишь, что ли, барина? Бедняк потупился... Бирюк зевнул и положил голову на стол. Дождик всё не переставал. Я ждал, что будет. Мужик внезапно выпрямился. Глаза у него загорелись, и на лице выступила краска. «Ну на, ешь, на, подавись, на, — начал он, прищулив глаза и опустив углы губ, — на, душегубец окаянный: пей христианскую кровь, пей...» Лесник обернулся. — Тебе говорю, тебе, азиат, кровопийца, тебе! — Пьян ты, что ли, что ругаться вздумал? — заговорил с изумлением лесник. — С ума сошел, что ли? — Пьян!.. не на твои ли деньги, душегубец окаянный, зверь, зверь, зверь! — Ах ты... да я тебя!.. — А мне что? Всё едино — пропадать; куда я без лошади пойду? Пришиби — один конец; что с голоду, что так — всё едино. Пропадай всё: жена, дети — околевай всё... А до тебя, погоди, доберемся! Бирюк приподнялся. — Бей, бей, — подхватил мужик свирепым голосом, — бей, на, на, бей... (Девочка торопливо вскочила с полу и уставилась на него.) Бей! бей! — Молчать! — загремел лесник и шагнул два раза. — Полно, полно, Фома, — закричал я, — оставь его... бог с ним. — Не стану я молчать, — продолжал

несчастный. — Всё едино — околевать-то. Душегубец ты, зверь, погибели на тебя нету... Да постой, недолго тебе царствовать! затянут тебе глотку, постой! Бирюк схватил его за плечо... Я бросился на помощь мужику... — Не троньте, барин! — крикнул на меня лесник. Я бы не побоялся его угрозы и уже протянул было руку; но, к крайнему моему изумлению, он одним поворотом сдернул с локтей мужика кушак, схватил его за шиворот, нахлобучил ему шапку на глаза, растворил дверь и вытолкнул его вон. — Убирайся к чёрту с своей лошадыю! — закричал он ему вслед, — да смотри, в другой раз у меня... Он вернулся в избу и стал копать в углу. — Ну, Бирюк, — промолвил я наконец, — удивил ты меня: ты, я вижу, славный малый. — Э, полноте, барин, — перебил он меня с досадой, — не извольте только сказывать. Да уж я лучше вас провожу, — прибавил он, — знать, дождика-то вам не переждать... На дворе застучали колеса мужицкой телеги. — Вишь, поплелся! — пробормотал он, — да я его!.. Через полчаса он простился со мной на опушке леса.

***Бирюком** называется в Орловской губернии человек одинокий и угрюмый.
«Верхом» называется в Орловской губернии овраг.

Интерпретация поэтического текста

Прочитайте балладу М.Ю. Лермонтова «Воздушный корабль».
Проанализируйте её. Для анализа используйте следующий план:

- 1) Определите тему баллады. О ком она?
- 2) Какова её главная мысль?
- 3) Каким нарисован герой баллады?
- 4) Как относится к нему поэт?
- 5) Какими художественными средствами пользуется автор, сочиняя балладу?

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

М.Ю. Лермонтов

Баллада

Воздушный корабль

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.

Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И молча в открытые люки
Чугунные пушки глядят.

Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем,
Но скалы, и тайные мели,

И бури ему нипочем.

Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит.
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.

И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристает.

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг, —
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.

Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.

И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.

На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.

Но спят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,

Под знойным песком пирамид.

И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.

И, топнув о землю ногою,
Сердито он взад и вперед
По тихому берегу ходит,
И снова он громко зовет:

Зовет он любезного сына,
Опору в превратной судьбе;
Ему обещает полмира,
А Францию — только себе.

Но в цвете надежды и силы
Угас его царственный сын,
И долго, его поджидая,
Стоит император один —

Стоит он и тяжело вздыхает,
Пока озарится восток,
И капают горькие слезы
Из глаз на холодный песок,

Потом на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идет и, махнувши рукою,
В обратный пускается путь.

Март 1840